
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ПОСЛЕДСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

***Аннотация.** Многие авторы описывают сегодня феномен так называемой сексуальной революции. Сейчас, судя по всему, мы уже имеем изнанку этого явления. Да, люди расстались с викторианскими нравами. Да, поубавилось предрассудков, связанных с интимной сферой. Мы осознали, что любовные чувства архетипны. Но культура, безусловно, оказывает воздействие на эротику. Господствующие стандарты определяют форму массовых переживаний. Аскетизм замещает оргиастические страсти, сексуальное буйство то и дело замещается целомудрием.*

***Ключевые слова:** психология, Эрос, сексуальная революция, секс, интимность, сексуальность, человек, общество, власть, транссексуальность.*

Прослеживая различные культурные воплощения Эроса, каждый из нас может отыскать отзвук тех или иных страстей, будь то любовь Сулафими и царя Давида, Дафниса и Хлои, Тристана и Изольды, Ромео и Джульетты, будь то чувство, испытываемое маркизом де Садам и отцом Сергием у Толстого, почтенными бюргерами или современными готами. Захваченный любовным экстазом или, напротив, хранящий целомудрие, каждый может увидеть в истории человечества проекцию собственных чувств.

Платон подчеркивает не столько сумасшествие Эроса, сколько его одухотворенность. Он раскрыл творческий потенциал любви в искусстве и науке, представил лучшие виды любви как устремление к бессмертию и благу. Эрос вовсе не является у Платона импульсом, истоком всякой любви. Он, прежде всего, реконструировал модель телесной красоты и привлекательности, постулировал потребность физического соединения и воспроизводства. На эту модель проецировалась позже иная, продиктованная уже этикой и метафизикой. Сексуальное вождление вызывается и направляется идеалом красоты. Так рождается своеобразная метафизическая концепция: потребность в сексе вызвана не физической конструкцией человека, она коренится в бренности и несовершенстве человеческой природы.

В минувшем веке, показывает Л.М. Щеглов¹, ценности брака претерпели трансформацию. Институт семьи переживает серьезные потрясения. Появились, по мнению автора, новые ценности: 1) Адаптация.

Уровень ее связан с понятием совместимости. 2) Интимность. Имеется в виду нечто, известное партнерам, но неизвестное другим. Атмосфера интимности, когда каждый из партнеров может быть с другим предельно откровенным, — один из наиважнейших кирпичей в здании брака. 3) Автономия. Взаимное право обоих супругов на какие-то занятия и трату времени вне интересов брака и второго супруга. Может ли чувствовать себя автономной жена, муж которой скандалит из-за того, что она собирается на девичник? Свободен ли муж, который перед тем, как отправиться на рыбалку, выслушивает двухчасовую ругань от жены?

Грандиозные смысловые, мировоззренческие преобразования произошли за последние полвека именно в понимании сексуальности. Ожидания и прогнозы оказались либо смещенными, либо просто неверными. Произошла невероятная поляризация мнений, позиций. Отечественный философ Игорь Кон, оценивая разразившуюся сексуальную революцию, в свое время сетовал на то, что она может привести к гибели культуры. Если сексуальный инстинкт получит полную реализацию, то исчезнет надобность в механизме сублимации, который, как известно, служит рождению культуры. Но как быть без сублимации?

Работы З. Фрейда, направленные на раскрепощение сексуальности, продолжали оставаться фундаментом европейской сексологии. Австрийский исследователь пользовался словом «любовь», но оно приравнивалось к феномену сексуальности. Даже романтическая любовь трактовалась им как выражение либидозной энергии, то есть сексуальности. Платонические чувствования в оценке Фрейда носили абсолютно иррациональный характер. А главное —

¹ Щеглов Лев. Записки сексолога. СПб, 2009.

они определялись не ценностью самого объекта эротической взволнованности, а таинствами внутреннего субъективного мира человека.

После Фрейда сексуальность стала рассматриваться как важнейшая антропологическая характеристика человека. С ее преобразованием многие исследователи связывали уже не столько культурные различия, сколько изменение самой человеческой природы. Казалось бы, столь далекий от этой социологической темы П.А. Сорокин считал, что на смену homo sapiens идет homo sexualis. Он подчеркивал, что каждая грань современной общественной жизни пронизана сексуальной одержимостью. Он писал: «Начиная от колыбели и до самой могилы эта одержимость, подвергает бомбардировке каждый аспект нашего жизненного пространства, почти каждый шаг нашей деятельности, мысли и чувства. Мы полностью погружены во все поднимающийся поток секса, который заполняет каждый отдел нашей социальной жизни и культуры. Пока мы ищем противостояния против этих либидозных сил, нас все больше завоевывает постоянное давление этой гигантской армии вездесущих сексуальных символов»².

Эти трансформации затронули и сферу культуры. Утратила свою популярность и лоск философия любви. Психология сексуальности стала завладевать умами тех, кто пытался понять тайны эротических переживаний. Разумеется, некоторые философы еще пытались отстоять достоинство любви. В трактовке Сартра она являла собой мучительный парадокс. Природа любви абсурдна, потому что она связана с вечным и непреодолимым конфликтом: стремясь к взаимности, к пониманию другого человека, в любви к нему мы, по сути дела, хотим подчинить его суверенную свободу, сделать его предметом своего желания. Любовь всегда представляет собой противостояние, так как она связана со свободой другого. Простое физическое обладание не выражает сущности любви. Если бы все дело было только в обладании, то любовь не создавала бы никаких проблем и конфликтов. «Например, герой Пруста, который поселяет свою любовницу у себя, может видеть и обладать ею в любое время суток и сумел поставить ее в положение полной материальной зависимости, должен был излечиться от своей тревоги. Однако его, наоборот, как известно, гложет забота. Сознание — вот пространство, в которое Альбертина ускользает от Марселя даже тогда, когда он рядом с ней, и вот почему он не знает покоя, кроме как в минуты, когда видит ее спящей»³.

Но большинство философов связывало преобразование общества в целом с сексуальными нравами. Мир оказался на грани цивилизационного обновления. «Новые левые» полагали, что новая сексуальность изменит мир. Именно она трансформирует человеческую ментальность. В. Райх стремился даже ускорить эти перемены, набрасывая общие социально-терапевтические правила общественного поведения. Однако сексуальная революция не оправдала возложенных на нее ожиданий. Люди раскомплексовались, отношения между полами стали более свободными. Но социум не менял своих оснований.

Это позволило исследователям увидеть в сексуальности особый социальный аспект, который не связан с наслаждением, эротическими переживаниями. «Эти исследования, — писал Мишель Фуко о своих работах, — не должны быть ни историей поведений, ни историей представлений. Это должна быть история «сексуальности». Кавычки здесь существенны. Мои намерения состояли не в том, чтобы реконструировать историю сексуальных поведений и сексуальных практик — соответственно последовательности их форм, их эволюции и их распространению. Равно как не собирался я и анализировать идеи (научные, религиозные или философские), через которые представляли себе эти поведения. Я хотел поначалу остановиться перед самим этим понятием «сексуальность» — таким обыденным и таким недавним: открепить себя от него, обойти его привычную очевидность, проанализировать контексты, теоретический и практический, с которыми оно ассоциируется»⁴.

Фуко считал, что секс всегда был орудием власти, с помощью которого в Америке все другие темы в области гуманитарных дисциплин. По этому поводу французский журналист Жак Бодрийяр в своей критической книге об Америке пишет: «Происходят новые явления в сексуальной области. Время оргий, сексуального освобождения закончилось; теперь пришло время тендера. Появилась новая эротическая культура. Раньше все вращалось вокруг проблемы сексуального желания и его реализации, теперь сексуальная культура ставит свои собственные вопросы: «А имею ли я вообще секс? Какой секс я имею? Каковы сексуальные различия?» Если прежние идола демонстрировали исключительную сексуальную определенность, то новым идолам трудно дать точное сексуальное определение. Бой Джордж, Майкл Джексон... Не будучи ни мужчинами, ни женщинами, они также и не гомосексуалы. Их поведение определяет не генетика, а одежда или мода. Во-

² Sorokin P. The American Sex Revolution. Boston, 1956. P. 54.

³ Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 21.

⁴ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 271.

прос сексуальных различий становится более важным, чем вопрос о сексуальном удовлетворении. Гендерные исследования — это новый фронт в Америке»⁵.

По мнению Фуко, секс всегда был орудием власти, с помощью которой контролировалась личная жизнь и в конечном счете все общество. «Идея секса, — считал он, — позволяет вскрыть то, что делает власть властью. Секс — это сила, которая возникает, чтобы подчинить нас, и секрет заключается в том, что эта сила лежит в основе всех наших поступков. Было бы ошибкой полагать, что секс — автономная сила, которая производит только вторичный и внешний эффект там, где секс соприкасается с властью. Напротив, секс — это наиболее спекулятивный, наиболее идеальный и глубинный элемент в развертывании сексуальности, который властно организует тело, его зрелость, его силу, энергию, чувственность и удовольствие»⁶. Однако в европейском обществе начались перемены, которые не были ожидаемыми. Набрав необходимое напряжение, сексуальность стала никнуть, утрачивать свое неоспоримое право. Сначала в медицине, а затем и в художественной литературе стала появляться слово «асексуальность». Курт Воннегут в романе «Малый Не Промах» (1982) изобразил асексуала, который стал им из-за перенесенной в детстве травмы. Названная тема стала для искусства расхожей. Вспомнили, что французский философ Жан Ипполит избегал женщин. Оказалось, что в английской литературе много персонажей, которые ведут себя как бесполое люди. Они асексуальны.

Транссексуальность

Итак, на смену сексуальности пришла транссексуальность. Так называется медицинский термин, обозначающий состояние несоответствия между биологическим и социальным полом, с одной стороны, и психическим полом индивида, или, иначе говоря, его гендерной идентичностью. Такое состояние порождает у человека тяжелый психический дискомфорт. Он нередко сопровождается депрессией и завершается самоубийством.

Однако Ж. Бодрийяр трактует транссексуальность не столько в медицинском, сколько в социально-культурологическом плане. Парадоксально, но транссексуальностью заражены даже машины. Более того, по логике французского постмодерниста, она является не только приметой современного образа жизни, но и судь-

бой человечества. Беда в том, что новый социум стал конструироваться по лекалам машины. Экономика, согласно Нобелевской премии 90-х годов, стала «теорией рациональных ожиданий». Общество выстраивается по моделям выгоды и рациональности. Теперь эти принципы становятся оптимальными и в такой интимной сфере, как отношения между полами.

«Примитивные организмы, — пишет В.А. Кутырев, — могут производить идентичное потомство простым делением (бинарное, множественное, фрагментацией, спорами, клонированием, почкованием), у высших обязательно взаимодействие особей. У них образуется пол, благодаря чему генетические изменения из обусловленных случайными мутациями, превращаются в постоянный механизм отбора полезных свойств, «встроенный» в эволюцию биоты. Возникновение полового деления и есть граница между низшей и высшей формами жизни на Земле. Это и была подлинно сексуальная революция. В рамках развития и совершенствования живого она по своему значению сравнима с появлением органических существ вообще»⁷.

Однако в мире технологии нет половых различий. Поэтому размножение здесь может происходить путем простого соприкосновения, ракового деления. Если существа, наделенные половыми признаками, испытывают любовные переживания и вовлекаются в эротические приключения, то для машин это исключено. Так в результате транссексуальности происходит возврат к одноклеточным организмам, которые размножаются путем простого деления одного и того же вещества. Это, разумеется, ведет и к отклонению от существующего кода.

«Современные технологически оснащенные существа, — отмечает Бодрийяр, — машины, клоны. Протезы — тяготеют именно к этому типу воспроизводства и потихоньку насаждают его среди так называемых человеческих существ, снабженных признаками пола. Все современные исследования, в особенности биологические, направлены на совершенствование этой генетической подмены, этого последовательного, линейного воспроизводства, клонирования, партеногенеза, маленьких холостых механизмов»⁸. В 1960 году американский фантаст Роберт Шекли написал рассказ «Девушки и Наджент Миллер». В нем повествуется о том, что после атомной катастрофы в темных подземельях остался, судя по всему, только один мужчина. Он встречает целую группу девушек. Но они готовы убить его, потому что именно мужчины, по их словам, довели человечество до войны. Теперь они хотят построить новую

⁵ Baudrillard J. America. L.-N. Y., 1988. P. 46-47.

⁶ Foucault M. The History of Sexuality. An Introduction. N.Y., 1984. P. 55.

⁷ Кутырев В.А. Бытие или ничто. СПб, 2010. С. 66.

⁸ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 13.

цивилизацию, но без мужчин. Наджент Миллер робко высказывает свое мнение:

– У вас будут проблемы с размножением.

Лидер женского отряда отвечает:

– Согласна. Будет трудно, но не невозможно. Я внимательно следила за последними исследованиями в области партеногенеза и знаю, что воспроизводство без вмешательства самца вполне допустимо.

Полвека назад это считалось фантастикой. Партеногенез (от греч. *parthénos* — девственница и *генез*) — девственное размножение, одна из форм полового размножения организмов, при которой женские половые клетки (яйцеклетки) развиваются без оплодотворения. Партеногенез — половое, но однополое размножение — возник в процессе эволюции организмов у раздельнополых форм. В тех случаях, когда партеногенетические виды представлены (всегда или периодически) только самками, одно из главных биологических преимуществ партеногенеза заключается в ускорении темпа размножения вида, так как все особи подобных видов способны оставить потомство. В тех случаях, когда из оплодотворённых яйцеклеток развиваются самки, а из неоплодотворённых — самцы, Партеногенез способствует регулированию численных соотношений полов (например, у пчёл). Часто партеногенетические виды и расы являются полиплоидными и возникают в результате отдалённой гибридизации, обнаруживая в связи с этим высокую жизнеспособность.

Партеногенез следует отличать от бесполового размножения, которое осуществляется всегда при помощи соматических органов и клеток (размножение делением, почкованием и т.п.). Различают партеногенез естествен-

ный — нормальный способ размножения некоторых организмов в природе и искусственный, вызываемый экспериментально действием разных раздражителей на неоплодотворённую яйцеклетку, в норме нуждающуюся в оплодотворении.

С 1945 по 1965 год в Америке длился период, который социологи именуют «золотым веком семейной жизни»: средний возраст женатых людей опустился до документально зафиксированного минимума как у мужчин, так и у женщин, а количество состоящих в браке по отношению к населению страны достигло 95%. Но постепенно миллионы молодых женщин стали освобождаться от «обузы» в виде родителей. На помощь пришла, как отмечает Патрик Дж. Бьюкенен, рыночная экономика. Возникла новая мораль, оправдывающая «жизнь для себя». «Массовая культура в своей иерархии ценностей ставит радости секса выше счастья материнства»⁹. Стало быть, появилось правило, заменившее прежние ценности: максимум сексуальности и минимум воспроизводства.

Однако при воцарении клонического общества формула радикально меняется: максимум воспроизводства и как можно меньше секса. Когда-то тело рассматривалось как метафора души. Потом — как метафора пола. Но вот французский философ задумывается над тем, с чем можно сопоставить сегодня тело — с душой или с телом? И оказывается ни с чем. Тело лишь «вместилище и механического развития всех присущих им процессов, место, где реализуется программирование в бесконечность без какой-либо организации или возвышенной цели. И при этом тело настолько сосредоточивается на себе, что становится подобным замкнутой сети или окружности.

⁹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.